№ 18. 28ое АПРѢЛЯ 1878 ГОДА. ГОДЪ XX.



Подписка на журналъ продолжается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп., съ перес. 20 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер , д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногороднаго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

Орелъ и акула

(басня). (*)

Акулѣ, хищницѣ морей, досадно стало,
Что много силы и Орла;
(Она, какъ видите, завистлива была),—
И потому на умъ ей вспало—
Нахлынуть на него войной
Со всею силою морской:
Она мечтала въ ослѣпленьѣ
Стѣснить Орла въ его владѣньѣ
И подавить его собой.
Задумавъ этакое дѣло,
Завистница моя,
Не зная дерзости предѣла,
Къ Орлу нагрянула въ окружныя моря,
И ну стращать его грозою:
Крутитъ сѣдую бездну водъ
И хлещетъ на берегъ волною.
Но нашъ Орелъ не робокъ былъ душою:
Онъ, молча, на скалѣ сидитъ себѣ и ждетъ,
Спокойно, величаво,
Лишь озирается порой
Налѣво и направо.
Наскучилъ ей такой напрасный бой.
—„Дай,—говоритъ,—къ Орлу на землю выйду,
И нанесу ему такую тамъ обиду,
Что по неволѣ онъ со мной
Пойдетъ на бой“.
И, не спросясь съ умомъ, изъ моря
Махнула на берегъ она.
Но тутъ узнала, что война
Съ Орломъ не шутка ей, а горе:
Вдругъ стая грозная орлятъ,
Какъ туча, хищницу прикрыла...
Она скорѣй назадъ,—
Да силы не хватило!
Смирилась гордая и мира запросила,—
Узнавши истину притомъ,

(*) Басня эта была напечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ“ въ 1854 году. Помѣщаемъ ее здѣсь въ виду того, что она имѣетъ отношеніе и къ современнымъ событіямъ.

Что рыбѣ, на пути сухомъ,
Безсильной, заморёной,
Не только что съ Орломъ—
Не справиться съ вороной.

Ѳ. Миллеръ.

Заговорило ретивое!

(современная хроника).

На третій день праздника Пасхи, коляска, запряженная парою вороныхъ, лихо завернула въ ворота высокаго каменнаго дома и осадила у подъѣзда.

На дворѣ, чисто усыпанномъ пескомъ, вдоль садовой рѣшетки, фронтомъ стояли блестящіе съ иголочки экипажи. Плотные кучера съ высоты козелъ только ждали, казалось, сигнала, чтобы подкатить ко крыльцу.

— Съѣхались наши! указывая головою, сказалъ пожилой мужчина, вылѣзая изъ коляски.—Аккуратно! Молодцы, люблю!

Слова эти относились къ сидѣвшему въ той же коляскѣ другому господину, болѣе серьезной наружности.

Лакей, стоявшій въ дверяхъ, распахнулъ обѣ половинки и посѣтители медленно поднялись по лѣстницѣ, покрытой мягкимъ узорчатымъ ковромъ. Во второмъ этажѣ двери тоже открыты были для нихъ настежъ.

Въ столовой вокругъ стола, уставленнаго пасхами, куличами и другими праздничными принадлежностями, сидѣли гости и завтракали съ большимъ аппетитомъ, что нисколько не мѣшало имъ вести оживленный разговоръ о современной политикѣ.

— Англія,—говорилъ одинъ сухощавый господинъ,—называетъ себя первымъ магометанскимъ государствомъ въ мірѣ. Дѣйствительно, у ней въ Азіи сто пятьдесятъ милліоновъ жителей, да въ другихъ частяхъ свѣта, не считая Европы, болѣе двухъ милліоновъ. Богатствамъ и капиталамъ Англіи нѣтъ счета... Только, господа, вы знаете, не въ капиталѣ сила, а въ умѣніи имъ распорядиться... Испанія была такъ же богата, какъ Англія, только недолго владѣла богатствами Новаго свѣта и пришла къ гибели отъ своего могущества.

— Мало ли богачей раззоряется! замѣтилъ кто-то.

— Но вотъ что замѣчательно въ англичанахъ,—продолжалъ тотъ же господинъ:—тамъ, гдѣ другіе европейцы стараются обойти свой законъ, уклониться отъ прямаго указанія, даже просто изъ хвастовства любятъ нарушать какое нибудь, ну хоть бы полицейское установленіе,—каждый англичанинъ держится буквальнаго смысла своихъ законовъ и убѣжденъ, что въ совершенной покорности буквѣ закона заключается все благо его государства, а слѣдовательно и его собственное. На видъ они чудаки, но ума и тонкости отнять у нихъ нельзя. Нельзя понять, какъ держится Англія. Все въ ней старо и дряхло, какъ триста лѣтъ тому назадъ: тѣ-же законы, то-же воспитаніе, тѣ-же школьныя программы, даже тѣ-же курсы, а судопроизводство можетъ привести въ отчаяніе кого угодно!... Два-три старика рѣшаютъ въ палатѣ всѣ дѣла, да и то полгода только, а въ остальное полугодіе не бываетъ присутствія... Между тѣмъ англичане боятся измѣнить что нибудь изъ своего кодекса, хотя и чувствуютъ всю его несостоятельность Конституція ихъ, напримѣръ—это не то чтобы она вышла изъ головы какого нибудь философа или оратора, она сложилась изъ преданій и обычаевъ. Можетъ случиться такъ, что одно и тоже дѣло будетъ сообразно съ закономъ, а противно конституціи,—тогда начинаются пренія въ парламентѣ и сама королева не рѣшится въ этомъ случаѣ принять всю отвѣтственность на себя...

— Ну ужь и говорятъ они въ парламентахъ! Ничего понять нельзя! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Они осторожничаютъ... Сами сознаются въ этомъ. Когда послѣ крымской экспедиціи Леярдъ поднялъ вопросъ о крымскихъ злоупотребленіяхъ и дурномъ распоряженіи военнаго министерства, Гладстонъ очень краснорѣчиво старался отклонить изслѣдованіе и почти увлекъ палату. Одинъ изъ извѣстныхъ чудаковъ того времени, Друммондъ, въ самыхъ смѣшныхъ выраженіяхъ высказалъ свое удивленіе, что не понимаетъ, на какомъ языкѣ говорятъ въ парламентѣ: «я думалъ, сказалъ онъ очень серьезно, что говорятъ по англійски, но теперь вижу, что ошибся!... Какъ это объяснить: я подалъ голосъ, чтобы нарядить слѣдствіе, а почтенный ораторъ очень ясно доказалъ, что я этого вовсе не желаю! Тутъ тратятъ время въ похвалахъ другъ другу, чуть не плачутъ отъ умиленія, а о бѣдной нашей погибшей арміи нѣтъ ни у кого и слезинки!»

Всѣ разсмѣялись. Въ эту-то минуту въ столовую вошли только что пріѣхавшіе гости. Они перекрестились передъ иконами и сдѣлали общій поклонъ всѣмъ присутствующимъ, которые почтительно встали при ихъ появленіи.

— Ѳедотъ Кузьмичъ! Я думалъ, что вы не будете! радостно вскрикнулъ хозяинъ, идя навстрѣчу почтенному гостю.

— Статочное ли дѣло! отвѣтилъ Ѳедотъ Кузьмичъ, здороваясь дружески съ хозяиномъ и подходя къ гостямъ,—Иванъ Тимофеичъ, мы кажется съ вами еще не христосовались?... Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ!

Пошло цѣлованіе.

— Что, Ѳедотъ Кузьмичъ, холодновато для праздниковъ? Чай прозябли?

— Прозябли? отвѣчалъ Ѳедотъ Кузьмичъ, садясь возлѣ хозяина,—намъ что? А вотъ каково-то нашимъ на Дунаѣ да на Балканахъ?... Чѣмъ-то они, голубчики мои, разговѣлись?... За насъ терпятъ, за насъ сражаются... Мы-то вонъ какъ праздники встрѣчаемъ,—онъ указалъ головою на столъ:—въ горло не лѣзетъ, до того сыты!

Со всѣхъ сторонъ послышались слова искренняго участія къ храбрымъ воинамъ.

— Да! сказалъ одинъ, вздыхая,—думали этой войною все покончить, а она повела къ другой... Вотъ тебѣ и друзья—хуже враговъ!... Образованная Англія... можно ли было ожидать!

— Въ томъ-то и дѣло, что она свое образованіе направляетъ ко вреду другихъ націй. Это у ней самое опасное оружіе! вмѣшался сухощавый господинъ,—она увѣряетъ всѣхъ, что добивается всеобщаго міра, преслѣдуетъ христіанскія цѣли: «Богъ-де велитъ заботиться не объ однихъ славянахъ, а также о туркахъ и грекахъ».

— Ѳедотъ Кузьмичъ! Надо для праздника чего нибудь попробовать! Такъ нельзя! говорилъ хозяинъ, рѣшительно наливая бокалъ вина.

— Я ужь закусилъ! отвѣтилъ Ѳедотъ Кузьмичъ, принимая бокалъ изъ рукъ хозяина и кланяясь:—заѣхалъ ко мнѣ вотъ онъ Лука Прохорычъ, я говорю: «умно сдѣлалъ, что явился! Поѣдемъ вмѣстѣ къ Трифону. на попятный дворъ... замялся: «поздно, говоритъ, легко одѣтъ, холодно».—«Ну хорошо, говорю, легко одѣтъ! А не хочешь ли на Балканы? Тутъ что скажешь?... Къ Трифону Самойлычу поѣдемъ».—«Зачѣмъ?»—«Надо непремѣнно, увидишь»... Всю дорогу приставалъ: зачѣмъ да зачѣмъ! докончилъ Ѳедотъ Кузьмичъ и засмѣялся.

— Да какъ же,—оправдывался Лука Прохорычъ:—«очень нужно», говоритъ, а зачѣмъ—не сказываетъ!

— Ну да, скажи тебѣ! Ты какъ англичанинъ, какъ разъ юркнешь, отвертишься...

Общій хохотъ. Всѣ знали, что Ѳедотъ Кузьмичъ любилъ шутить.

— Послушай, Трифонъ Самойлычъ,—началъ Ѳедотъ Кузьмичъ, обращаясь къ хозяину:—если ты меня ждешь, такъ я ничего ѣсть не буду. Начинай свое дѣло дѣлать,—затѣмъ собралися! Оттягивать нечего!

Хозяинъ всталъ.

— Ну такъ, господа, милости просимъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Гости пошли, уступая дорогу Ѳедоту Кузьмичу. Послѣднимъ вошелъ самъ хозяинъ. За нимъ два лакея внесли подносы, уставленные бутылками и бокалами.

— Господа, чтобы развязать языкъ! Кому что угодно? началъ Трифонъ Самойлычъ, обращаясь къ гостямъ.

— Нѣтъ,—остановилъ его Ѳедотъ Кузьмичъ,—это не дѣло! Сперва дѣломъ займемся, а послѣ съ праздникомъ поздравимъ.

— Разумѣется! согласились всѣ безъ исключенія.

— Англичане тоже до шести кончаютъ дѣла, а потомъ ужь ихъ не спрашивай!

Хохотъ.

— Господа,—началъ хозяинъ, когда усѣлись гости,—я просилъ васъ пріѣхать къ себѣ по очень важному случаю. Мы толковали съ Ѳедотомъ Кузьмичемъ и нашли, что пришла наша череда дѣйствовать. Вы знаете, Англія просто придирается къ намъ, хочетъ во что бы ни стало съ нами войны... Что мы ей сдѣлали? Освободили христіанъ отъ власти Турокъ!... Правительство съ своей стороны сдѣлало все, что могло; наши храбрые войска удивили міръ своимъ самоотверженіемъ; царская кровь пролилась во имя святаго дѣла—и послѣ всего этого неужели мы добровольно отдадимся въ руки нашихъ заклятыхъ враговъ!... Господа! Англія ненавидитъ Россію изъ-за насъ съ вами! Она хочетъ захватить себѣ торговлю всего міра... Это не Англія хочетъ воевать съ Россіей, а британскіе купцы объявляютъ войну россійскому купечеству!... Неужели мы будемъ сидѣть сложа руки? Мы должны воевать съ ними тѣмъ же оружіемъ... Надо выставить флотъ, который помѣшалъ бы ихъ торговлѣ.

— А какъ это сдѣлать? спросилъ одинъ изъ гостей.

— Вотъ объ этомъ-то я и хочу сказать вамъ, господа,—продолжалъ Трифонъ Самойлычъ:—дѣло идетъ теперь о «крейсерахъ». Это такія легкія суда, которыя будутъ плавать по морямъ и океанамъ и останавливать англійскіе торговые корабли. Надо знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, чтобы приноровиться, какъ поступать. Англію побѣдить оружіемъ нельзя а можно поразить въ самое сердце—въ ея торговлю! Она изнуряетъ насъ тѣмъ, что нарочно затягиваетъ дѣло, заставляя издерживать огромныя суммы на содержаніе войска, и останавливаетъ нашу промышленность. Такимъ образомъ она уже объявила коммерческую войну. Мы по необходимости должны отвѣтить ей тѣмъ же. Этихъ крейсеровъ Англія страшно боится. Она по опыту знаетъ, какъ они опасны. Во время междоусобной войны въ Америкѣ, Англія, по своему обыкновенію, объявила себя нейтральною, а потихоньку выстроила для южныхъ штатовъ каперъ «Алабама», который одинъ нанесъ болѣе вреда Сѣвернымъ штатамъ, чѣмъ самая война. Когда у насъ только заговорили о крейсерствѣ—парламентъ обезпокоился. Журналы стали стращать, что «экипажъ русскихъ крейсеровъ

будетъ служить украшеніемъ на реяхъ своего собственнаго судна...» Насъ этимъ не запугаешь!

— Остановить британскую торговлю хоть на минуту только, для Англіи все равно, какъ если бы задержать движеніе земнаго шара, вступился сухощавый господинъ. —Крейсеры, это единственное средство для обузданія неограниченной англійской дерзости, не уважающей и не признающей ничьего достоинства!... Если бы мы завели хоть нѣсколько такихъ судовъ,—англійскіе корабли побоялись бы пуститься въ море!... Пришлось бы правительству ея величества королевы содержать во всѣхъ моряхъ огромный наблюдательный флотъ... а торговля все-таки у нихъ остановилась бы.

— Хорошо было бы, но откуда мы возьмемъ этихъ крейсеровъ?—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Они будутъ,—объ этомъ не безпокойтесь!—продолжалъ хозяинъ:—люди не торговые подписываются на обзаведеніе крейсеровъ, а это по настоящему *наше* дѣло... Москва всегда откликалась первая на призывъ отечества. Пусть же московскіе купцы первые подадутъ примѣръ—за нами пойдутъ всѣ остальные... Совѣстно намъ будетъ, если другіе явятся раньше насъ... Я предлагаю вамъ, господа, не говорю «пожертвовать,» потому что жертва можетъ быть только Б[illegible], и то единственная, это—«духъ сокрушенъ,» а просто добровольно удѣлить, отъ своего избытка на полезное дѣло! Вѣрьте, ваше приношеніе возвратится вамъ сторицею не съ той, такъ съ другой стороны... Прошу васъ, господа, дѣло это держать въ тайнѣ. Никто не долженъ знать, что [illegible] сколько удѣлитъ! Надо тоже подумать о своихъ [illegible]... Иной радъ бы подписаться, да какъ увидитъ [illegible] сколько такой-то и такой-то далъ, посовѣстится [illegible] мало дать стыдно, а много нельзя... Повторяю, [illegible]оспода, [illegible] каждый внесетъ сколько [illegible] жа[illegible] т[illegible]ль по своему [illegible]нію—этого будетъ дос[illegible] [illegible]акъ и пере[illegible] другимъ, только безъ [illegible]

[illegible]ѣлось б[illegible] узнать, какъ все это устроится, а [illegible] знаешь, какъ и что,—робко проговорилъ одинъ [illegible] гостей.

— Какимъ путемъ заведутъ у насъ крейсеровъ?—спросилъ его хозяинъ:—вы поймите, этого ни устно, ни печатно разсказывать нельзя!... Положитесь вполнѣ на руководящую десницу!... Дорога открыта... (*)

— Мы готовы съ радостью!—заговорили всѣ вдругъ—укажите только!

— Ну, господа, такъ помолимся и начнемъ въ добрый часъ.

Всѣ поднялись и стали молиться.

— Теперь, Θедотъ Кузьмичъ, начните-ко съ легкой руки,—сказалъ хозяинъ, положивъ листъ бумаги на свой письменный столъ,—а васъ, господа, прошу подалѣе... Правая рука не должна знать, что дѣлаетъ лѣвая.

Θедотъ Кузьмичъ снова перекрестился, надѣлъ очки и долго писалъ не торопясь.

Трифонъ Самойловичъ перегнулъ написанное, такъ что бумага представляла чистую страницу.

— Теперь ваша очередь, Лука Прохорычъ.

Лука Прохорычъ съ гордостію росписался и весело сказалъ, вставая:

— Дающая рука не оскудѣваетъ.

— Заговорило ретивое!—дружески хлопнувъ по плечу, спросилъ Θедотъ Кузьмичъ.

— Заговорило!

За Лукою Прохорычемъ слѣдовали остальные, и послѣ того всѣ какъ-то особенно радостно смотрѣли другъ на друга.

— Теперь, господа,—проговорилъ хозяинъ, наливая бокалы—можно и отъ вина винограднаго...

— Прежде всего за здоровье нашего батюшки-Царя!—произнесъ Θедотъ Кузьмичъ:—дай Ему Господь увидѣть плоды всего того добра, которое Онъ не переставалъ сѣять во все продолженіе своего царствованія!..

[illegible]сутству[illegible]

М—р—о.

(*) Кстати замѣтимъ, что во всѣхъ [illegible]овскихъ газетахъ напечатано воззваніе Московскаго Главнаго Комитета для сбора пожертвованій на сооруженіе добровольнаго флота, и указаны мѣста, гдѣ принимаются эти пожертвованія.

Ред.



Первое апрѣля

РАЗСКАЗЪ.

I

Изъ всѣхъ дней недѣли, Алексѣю Петровичу Корнесловину всего болѣе нравилась суббота. Еще въ то время, какъ герой нашъ сидѣлъ на школьной скамейкѣ, изучая имена великихъ людей древности и названія отошедшихъ въ вѣчность государствъ, день субботній имѣлъ для него много обаянія и ласкалъ его ухо самой гармоніей гласныхъ и согласныхъ, чередующихся съ такой музыкальностью: суб-б-ота... Для его дѣтскаго ума, вмѣстѣ съ этимъ словомъ, неразлучно шло и понятіе о субботѣ, какъ днѣ, послѣ котораго слѣдуетъ воскресенье, когда бываютъ заперты двери училища, когда исчезаютъ куда-то физіономіи учителей, надоѣдающихъ шесть дней подрядъ, и когда школьникамъ предоставляется свобода бездѣль-

ничать, лазить по крышамъ и навязывать Волчку мочалки на хвостъ (это было любимой забавой Алеши).

И позже, когда Алексѣй Петровичъ изъ пріятеля Волчка превратился въ ревностнаго служителя канцелярской истины, суббота осталась для него любимѣйшимъ днемъ. Вечеръ субботы Корнесловинъ непремѣнно проводилъ дома и притомъ одинъ. Вечеръ этотъ всецѣло принадлежалъ нашему герою, какъ и онъ самъ принадлежалъ этому вечеру.

Алексѣй Петровичъ въ субботу чувствовалъ себя хорошо съ самаго утра,—и это за рѣдкими исключеніями, въ случаѣ какихъ либо экстраординарныхъ несчастій и непріятностей. Такъ и сегодня, перваго апрѣля, благо ничего такого плохаго не случилось, Корнесловинъ былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа. Проснувшись часовъ въ шесть утра, онъ пріятно потянулся и съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ, что день обѣщаетъ быть прелестнымъ. Солнце почти горизонтальными лучами привѣтливо заглядывало въ комнату, разбрасывая по полу затѣйливые укоры отъ растеній на окнахъ. Въ форточку, отворенную горничной Машей, несся свѣжій воздухъ весенняго утра и шумъ просыпающейся городской улицы.

Корнесловинъ бодро вскочилъ съ постели, умылся холодной, хотя и не совсѣмъ чистой, водой, пошутилъ съ своей пріятельницей Машей и весело приступилъ къ первому стакану горячаго чая. Маша убирала комнату. Благодаря игривому настроенію, Алексѣй Петровичъ проявлялъ больше желанія пошутить съ хорошенькой горничной, чѣмъ заниматься чаепитіемъ; но его стремленіямъ помѣшалъ энергичный звонокъ у парадпаго входа.

— Кого это принесло съ этихъ поръ? съ неудовольствіемъ промолвилъ Корнесловинъ, провожая глазами камерюнгферу, отправившуюся отпереть дверь.—Не портной ли?...—И легкое облачко легло на физіономію Алексѣя Петровича, такъ какъ онъ не любилъ посѣщеній портнаго.

— Письмо вамъ, разрѣшила сомнѣнія Маша.

Корнесловинъ началъ разсматривать поданное письмо.

— Изъ Аткарска, замѣтилъ онъ,—и печать черная... Что бы это значило?...

— Да вы распечатайте.

— Дѣло.

И Алексѣй Петровичъ вскрылъ письмо.

— Ну, братъ Маша, можешь меня поздравить, сказалъ онъ черезъ минуту, весь просіявъ,—дядюшка Гордѣй Иванычъ волею Божіей помре!...

— Ахъ, вы, безстыдникъ этакій! Да вы никакъ рады?! возмутилась жалостливая дѣвушка.

— Что же, плакать, что ли прикажешь? Умеръ человѣкъ, который при жизни не дѣлалъ мнѣ ничего кромѣ подлостей, а теперь оставляетъ десять тысячъ наслѣдства! Это не дурно!

— Не хорошо, сударь! Все таки Гордѣй Иванычъ приходились братцемъ вашему папашѣ, да и наслѣдство оставили.

— Ну, ты—дурочка, моя милая! Оставилъ наслѣдство—вотъ поэтому-то и нѣтъ резона огорчаться!...

Маша укоризненно покачала головой и отталкивала Алексѣя Петровича, который, описывая пируэты по комнатѣ, расчитывалъ свои движенія такъ, что руки его постоянно попадали къ таліи доброй дѣвушки.

Алексѣй Петровичъ положительно торжествовалъ. Да не укоритъ его за это нравственный читатель, принимая во вниманіе, что нашъ герой былъ еще очень юнъ и легкомысленъ—это разъ; а во-вторыхъ, дядюшка Гордѣй Иванычъ, дѣйствительно, былъ существо такого сорта, что при жизни способенъ былъ только огорчать окружающихъ, а отнюдь не исторгать изъ глазъ ихъ слезы благодарности за содѣянныя благодѣянія.

Къ своему единственному племяннику Гордѣй Иванычъ относился положительно враждебно и не только не проявлялъ въ отношеніи къ нему родственныхъ чувствъ, но просто не же… его и видѣть. Гордѣй Иванычъ называлъ себя …нтропомъ» и произносилъ это слово съ выраженіемъ гордости и самоудовольствія, какъ будто кичился, что въ немъ замерло всякое чувство теплоты къ окружающимъ. Что же тутъ удивительнаго, если смерть «мизантропа» не вызвала въ близкомъ человѣкѣ ничего, кромѣ радости—вполнѣ понятное слѣдствіе дядюшкиной черствости. Къ тому же смерть эта приносила племяннику наслѣдство тысячъ въ десять рублей...

Алексѣй Петровичъ сіялъ. Онъ моментально сообразилъ, какія неисчислимыя выгоды влечетъ за собою наслѣдство, хотя бы въ мелочахъ обыденной жизни.

— Перемѣню квартиру, думалъ легкомысленный служитель канцелярской истины,—найму комнаты въ три, съ передней; заведу мягкую комфортабельную мебель; сошью новое лѣтнее польто, пары двѣ платья... Машѣ куплю что нибудь такое—она добрая дѣвушка... Куплю себѣ гитару и заведу собаку онѣ учень умныя животныя и привязываются къ …у... Можно будетъ купить золотые часы и п… частливая суббота, милый мой денёкъ!.

Корнесловинъ рѣ… авиться къ своему начальству и… тройства дѣлъ; нынѣшній же день … остоваться на службѣ. Сидѣть въ … ѣй канцеляріи онъ чувствовалъ се… собнымъ. Сердце его радостно во…

отказывалось быть безъ движенія. Ноги какъ-то невольно подпрыгивали. Губы складывались въ широчайшую улыбку счастливаго человѣка.

II

Одинъ изъ модныхъ ресторановъ свѣтился огнями, хотя на улицахъ дневной свѣтъ еще боролся съ наступающей тьмой безлунной ночи. Въ одномъ изъ отдѣльныхъ «кабинетовъ», убранныхъ и трактирнымъ комфортомъ и изысканностію, сидѣлъ Алексѣй Петровичъ Корнесловинъ въ компаніи съ пріятелемъ своимъ Трудолюбцевымъ и двумя дѣвицами весьма веселаго характера и манеръ.

Въ теченіи дня герой нашъ успѣлъ выхлопотать себѣ отпускъ, принялъ бездну поздравленій и даже призанялъ триста рублей въ счетъ будущихъ благъ. Въ настоящую минуту въ его карманѣ не было и половины занятыхъ денегъ; за то, на столѣ блисталъ новый цилиндръ Циммермана, а на плечахъ Алексѣя Петровича висѣлъ новый сюртукъ изящнѣйшаго покроя. Для поѣздки въ Аткарскъ Корнесловинъ назначилъ понедѣльникъ, т. е. послѣ завтра.

Бесѣда шла оживленная. Радушное настроеніе духа Корнесловина сообщилось и его собесѣдникамъ. Всѣ пили двухрублевый лафитъ и были довольны окружающимъ.

— Ужь если я говорю—значитъ, вѣрно! говорилъ счастливый наслѣдникъ нѣсколько коснѣющимъ языкомъ.—Какъ только утвердятъ... тово... какъ это?... Да! въ правахъ наслѣдства, получу деньги,—сейчасъ тебѣ, мой ангелъ, найму такую квартиру, что ахнешь... того... ахнешь, да!...

— Алеша! другъ! приди въ мои объятія! порывался Трудолюбцевъ.

— Постой!... Ахнешь и... тово... Однимъ словомъ, живи въ свое удовольствіе, потому что я... мнѣ чортъ съ ней, со службой!... Я тогда поступлю къ Скобелеву... Ай-да! Въ Константиноп....

Барышни хихикали, потягивая лафитъ.

— Алеша! Ахъ, Боже мой! Ты не можешь понять!

— Постой! Къ Скобелеву... Отлично... Поцѣлуй меня, ангелъ...

Поцѣловались.

— Человѣкъ!

Явился лакей.

— Шампанскаго! Въ потолокъ чтобы!...

— Алеша! Голубчикъ! Зачѣмъ ты мнѣ не родной братъ? приставалъ Трудолюбцевъ.—У моего родителя не было безъ меня... т. е. я хочу сказать, кромѣ меня, дѣтей не было... Онъ померъ и сказалъ: Петя! ты мнѣ сынъ...

— Постой! Леночка, поцѣлуй!

Леночка поцѣловала.

— Сказалъ: ты мнѣ сынъ, будь почтителенъ, а я умираю, потому что столоначальникъ—скотина и все тянетъ за уши Небосклонова... Я плакалъ!... Ахъ, какъ я плакалъ...

И Трудолюбцевъ залился слезами.

— Перестань! утѣшалъ Корнесловинъ.—Я тебя понимаю... Выпей!...

— Благодарю... Но я его вздую, столоначальника!

— Господа! Да будетъ вамъ! Что же это такое! возмущались дѣвицы.—Вѣдь это смерть!

— Господи! Да неужели... Мы понимаемъ тоже... Огорчать женщинъ... Человѣкъ! Шампанскаго!...

—

— Дядя... Я его люблю, потому что онъ хорошій человѣкъ... Онъ померъ! говорилъ Корнесловинъ, невѣрными шагами сходя по лѣстницѣ ресторана.

— Я тебя понимаю... отзывался Трудолюбцевъ, хотя было сомнительно, чтобы онъ понималъ что либо.

— Я отслужу панихиду... Всѣ мы смертны ..

— Не рано ли, другъ мой, собрался ты *служить панихиду?* замѣтилъ пожилой господинъ, *поднимавшійся* навстрѣчу веселой компаніи подъ руку съ миловидной дамой.

— Дядюшка! могъ только воскликнуть Алексѣй Петровичъ, остановясь моментально въ позѣ соляного столба.

Его спутники изумились тоже не мало.

III

Съ тяжелой головой поднялся на другой день Корнесловинъ. Событія счастливой субботы встали передъ нимъ во всей ихъ ужасающей правдѣ. Дядя живъ! Письмо, очевидно, только poisson d'avril какого-то злаго шутника. Десять тысячъ уплыли изъ рукъ и неизвѣстно еще—попадутъ ли въ карманъ когда нибудь, благодаря этой панихидѣ. Взято въ долгъ триста рублей, т. е. полугодовое жалованье; всѣ они спущены безвозвратно... Чѣмъ платить?

Корнесловинъ въ какой-то лихорадкѣ ерзалъ по постели и просто не находилъ выхода изъ положенія, до котораго довела его глупая легковѣрность.

— И вѣдь точно изъ ума вонъ, что 1-го апрѣля обманываютъ! размышлялъ онъ.—О, идіотъ! о, кретинъ! И чортъ дернулъ занимать еще... Да не говоря уже объ этомъ,—теперь прохода не дадутъ любезные пріятели: «наслѣдникъ, скажутъ, американскаго, то бишь,—аткарскаго дяди!» О, подлость! о, гадость!... Еще, пожалуй, въ газету попадешь, шутъ ихъ возьми!...

Корнесловинъ стоналъ и метался.

Пересчитывая оставшіяся деньги, Алексѣй Петровичъ съ болью въ сердцѣ долженъ былъ сознаться, что отъ трехсотъ рублей осталось всего 7 р. 49 коп., даже 7 р. 29 коп., такъ какъ одинъ двугривенный ему всучили гдѣ-то оловянный, фальшивый... Семь рублей двадцать девять копеекъ!...

— Рано, дружочекъ, собрался панихиду служить! вспомнились слова Гордѣя Иваныча.—Раненько!... А теперь, видно, ты поминки справляешь?!

Какъ во снѣ, видится улыбка дядюшкиной спутницы (оказавшейся пріятельницей Леночки), хихиканье лакеевъ, растерянный видъ пьянаго Трудолюбцева.

— У меня, должно быть, тоже физіономія-то хороша была!... О, гадость!... Но кто написалъ это предательское письмо?... О! Только бы узнать—я-бы ему!...

И Алексѣй Петровичъ въ безсильной злобѣ сжималъ свои кулаки...

—

Нужно ли прибавлять, что письмо съ чорной печатью было изобрѣтеніемъ самого Гордѣя Иваныча, зло подшутившаго надъ любителемъ субботы и нарочно пріѣхавшаго изъ Аткарска, чтобы полюбоваться на послѣдствія своей шутки?

Какъ раздѣлался Корнесловинъ съ своимъ долгомъ въ триста рублей,—автору это осталось неизвѣстнымъ.

Толковый словарь

самыхъ употребительныхъ словъ въ купеческомъ быту, необходимый для каждаго купца, считающаго себя образованнымъ.

СОСТАВЛЕНЪ ПРИКАЩИКОМЪ ИЗЪ НОЖОВОЙ ЛИНІИ ПОЛУАРШИНОВЫМЪ.

(Продолженіе).

Р.

Размаринъ. Очень лѣтомъ мучаетъ въ жару. Такой на тебя размаринъ найдетъ что страсть. Еще фрухтъ есть такой размаринъ, только очень малъ и къ водкѣ не идетъ.

Растерація. По образованному значитъ трактиръ и половые во фракахъ ходятъ или спиджакахъ съ мѣдными пуговицами.

Розанъ піоновый. Самый лучшій цвѣтокъ. Пахнуть онъ не пахнетъ, а цвѣтомъ оченъ красивъ. Изъ бани иной разъ выйдешь тоже какъ розанъ піоновой красенъ.

Романцы. Слово это обозначаетъ чувствительныя пѣсни и больше всего о любви и амурахъ. Въ ярмонкѣ лучше цыганки Саши никто не споетъ.

С.

Сиклитаръ. Лицо самое важное во всякой опираціи. Какъ пожелаешь, такъ дѣло и покажетъ. Прежде они въ модѣ были, а таперь маленько поослабли.

Скусъ. Больше всего отъ языка зависитъ и отъ глазу, оттого разный скусъ и бываетъ, кто сюртукъ любитъ подлиннѣй, а кто покороче.

Скѣсняться. Ежели у тебя душа широкая и ты никоимъ манеромъ скѣсняться не можешь и не желаешь, пей лучше дома, а въ гости не ходи, потому часто скѣсненіе тамъ для тебѣ выходитъ, а дома или въ трактирѣ въ отдѣльной комнатѣ ужь будешь безъ всякихъ скѣсненій.

Спикуляцыя. Слово темное и значитъ дѣло обдѣлать за первый сортъ и съ форсомъ.

Спронту. Слово это обозначаетъ, если что съ маху сдѣлалъ, сразу, не обдумавши; иной разъ выйдетъ хорошо, а иной и не совсѣмъ.

Стрикулистъ. Прежде они больше у Иверскихъ воротъ стояли и цѣна имъ была грошъ, а таперь во фракахъ ходятъ и пинсне на носу имѣютъ. Вопче всякій писатель, который по газетамъ или журналамъ пишетъ, тотъ и стрикулистъ.

Сюжетъ. Понимается по разному. Когда ты человѣка хвалишь, значитъ, ты объ немъ хорошій сюжетъ имѣешь, а коли ругаешь, значитъ дурной. Тоже если понравился, напримѣръ, ты барышнѣ, ты для нея сюжетъ, а хорошій ты покупатель, такъ для продавца сюжетъ. Платить не желаешь, ты для абваката сюжетъ, арестуютъ тебя, сейчасъ скажешь: вотъ такъ сюжетъ! и такъ далѣе.

Т.

Тиролецъ. Мущина изъ Тироліи и на волынкѣ играетъ, а на головѣ шляпа съ перомъ, черезъ плечо плащъ; бываютъ и изъ русскихъ тирольцы, только хуже настоящихъ.

Тилиграфъ. Объ немъ говорено при електричествѣ.

Толкація. Обозначаетъ бесѣду въ трактирѣ за стаканомъ теплой сырости, говорится еще растолки-толкація, смыслъ-то одинъ, или если торгуешься съ кѣмъ, тоже толкація выходитъ.

Трахтиръ. Это толковать не стоитъ, сходи самъ въ трахтиръ,—поймешь, что за штука.

Трежуравле. Слово французское и по-русски обозначаетъ очень, очень хорошо.

Труболетарій. Прогорѣвшій человѣкъ, только не изъ купцовъ, тѣ у насъ несчастненькими зовутся, а эти больше изъ чиновниковъ, изъ военныхъ, или иныхъ.

Трухмальныя ворота. Какъ въ Паркъ ѣхать, они на самомъ трахтѣ и будутъ, только очень они засорены. Ночью не видать, а днемъ все видно.

Тубаганъ. Слово цыганское и купцамъ знакомо. Значитъ прикажите намъ спѣть.

У.

Уконтентовать. Значитъ кого нибудь удовлетворить какъ слѣдуетъ, либо побить [illegible]то положенья ризъ напоить, а тамъ и твори съ нимъ что хо[illegible]

Ультиматумъ. Самое [illegible] слово и значитъ дальше ни Боже мой. Ульти[illegible]зный: нотный и простой. Перьый будет[illegible] [illegible]имѣрно послалъ артельщика [illegible] ден[illegible] [illegible] это будетъ простой, подалъ [illegible] должнинку повѣстку, это уж[illegible] матіи конецъ.



ВЪ ПЕРЕДНЕЙ У ЭКОНОМА.

Купецъ. А что, любезный, встали Иванъ Петровичъ?
Лакей (прислушиваясь). Чихаютъ, значитъ встали.
Купецъ. Такъ доложи имъ, что дескать съ праздникомъ пришли поздравить его милость.

Ф.

Фершалъ. По части піявокъ и кровопусканій разныхъ; въ купеческихъ тѣлесахъ не хуже дохтура понимаетъ, а водку всегда разрѣшаетъ и даже самъ не брезгуетъ.

Фитанція. Получаются эти самыя фитанціи отъ подрядчиковъ и окромя того есть такія, что дорого стоютъ и рѣдки, когда по теперешнимъ временамъ единоутробнаго сына въ солдаты отдавать не хочется.

Фицмундиръ. Фракъ у судейскихъ съ золотыми пуговицами. Прежде бывало безъ нихъ ни одно коммерческое дѣло не обходилось, а теперь многіе у Иверскихъ воротъ въ этихъ фицмундирахъ щеголяютъ.

Физаномія. Слово сурьезное. Прикащикъ ли ты или самъ или вопче, въ городъ выходи да помни физаномію, чтобы тебя рядскіе не осмѣяли, ежели въ ней умаленіе есть. Другимъ тамъ стракулистамъ на физаномію наплевать, а для насъ это первое дѣло, чтобы цвѣтъ лица и все прочее въ припорціи было.

Фонарь. Ихъ множество бываетъ и по улицамъ и у трахтировъ и подъ глазами случаются.

Фортель. Тоже что миханика, только почище, пробою много выше. Лучше фортеля нѣтъ, какъ изъ ярмонки на буксирномъ пароходѣ ночью, внизъ по матушкѣ по Волгѣ, удрать, а тамъ ищи гдѣ хочешь.

Формація. Коли ежели какое дѣло, искъ тамъ что ли хочешь вести по закону, то значитъ тогда соблюдай всякую малѣйшую формацію. Пропустилъ ты какую нибудь, можно сказать, точку и капутъ. Формація вездѣ штука важная.

Фортупьяны. Вещь дамская и только для кадрилей и чувствительныхъ романцевъ и годится, а ежели маршъ какой съ трескомъ—изъ него не выйдетъ.

Фонбаронъ. Важному человѣку это названіе дается, иногда и попусту, по одной наружности.

Х.

Халуй. Услужающій во фракѣ или, ежели въ ливреѣ и на козлахъ, только тогда ихъ еще Алёшами зовутъ: Эхъ, ты, дескать, Алёша!...

Хересъ-тревьо. Вино хорошее, только крѣпко маленько, а впрочемъ опосля сытнаго обѣда ничего. Дамамъ это винцо по душѣ и иной разъ страсть сколько онѣ этихъ хересовъ осушатъ.

Художникъ. Званіе это по купечеству одно, а художества разныя. Иной патреты пишетъ, иной фальшивые векселя работаетъ, иной купоны - поддѣлываетъ, а иной паспорта сочин...

А. Д-

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Стоящій. Эй, баринъ, берегись,—какъ бы они тебя не опрокинули!



ЕЛЕГРАММЫ,

перехваченныя коварнымъ господиномъ Ха! ха! ха! и обязательно доставленныя имъ въ редакцію «Развлеченія»

СОКОЛЬНИКИ. По случаю наступающаго лѣтняго сезона въ рестораны «Золотой олень» и «Грабиловка» открываютъ свои пріюты, гдѣ на разные способы будутъ облегчаться карманы посѣтителей.

—

СОКОЛЬНИКИ. Лѣтомъ къ намъ пришлите побольше докторовъ,—жатва имъ будетъ хорошая: шоссе въ изобиліи снабжено волчьими ямами и, безъ сомнѣнія, половина дачниковъ переломаетъ себѣ руки и ноги.

—

ОТЪ ТОРГОВЦЕВЪ ЗЕРКАЛЬНАГО РЯДА КЪ КНИГОПРОДАВЦУ ЛЕУХИНУ. Пришли намъ поскорѣе «Оракулъ»: хотимъ погадать, кто такой «Господинъ Ха! ха! ха!», обличающій насъ въ «Развлеченіи». Мы сперва хотѣли было сдѣлать публикацію въ «Полицейскихъ», что тому, кто откроетъ намъ фамилію и адресъ нашего обличителя, даемъ награды сто руб.,—да одинъ торговецъ посовѣтовалъ обратиться къ вамъ за вышеозначенной книгой: «и дешевле, говоритъ, и сердитѣе будетъ».

ОТЪ ЛЕУХИНА КЪ ТОРГОВЦАМЪ ЗЕРКАЛЬНАГО РЯДА. Очень желаю помочь вашему горю великому и высылаю вамъ требуемую книгу. Погадайте, голубчики мои, погадайте! можетъ и узнаете своего ворога, а если нѣтъ, то совѣтую обратиться къ юродивому Серафиму. Онъ купчихамъ замоскворѣцкимъ удачно предсказываетъ. Попытайте-ка!

Перехватилъ господинъ Ха! ха! ха!



Москва. Гласный, прикусившій языкъ. — Кто больше всѣхъ любитъ эстампы Аванцо. — Разновидности жуликовъ. — Барыни на дешевыхъ товарахъ —Дамы и мущины въ своихъ кружкахъ.— Мое извиненіе.—Два словечка барышнямъ.

И хорошъ же нашъ городъ Москва бѣлокаменная! И-и хорошъ! Это не то что провинція, это совсѣмъ иное дѣло, потому что это столица и потому еще, что это столица—Москва. Д-да. Возьмите какой нибудь маленькій, плохой городишко,—что въ немъ? Улицы тамъ не мощеныя, въ сушь тебя пылью задушитъ, въ дождь въ грязи завязнешь. Другое дѣло Москва: она тебѣ и въ дождь пыль пуститъ въ глаза, и въ засуху въ грязи утопитъ, и когда угодно, такъ наподдастъ въ рытвинѣ, что полъязыка откусишь. Да что далеко ходить? вотъ вамъ фактъ на лицо. Назначено было въ московской Думѣ засѣданіе, засѣданіе ли гласныхъ, или засѣданіе дѣлъ, я не знаю, свѣдѣній подробныхъ не получилъ и... волтерьянцы напрасно противъ этого разсуждаютъ. И такъ, назначено было въ Думѣ засѣданіе, на немъ конечно назначено было преніе, можетъ быть, даже и потому, что время стоитъ теплое. Ну-съ, вотъ одинъ изъ гласныхъ по поводу какого-то вопроса стремился произнести поразительную рѣчь; готовился онъ къ ней очень долго, репетировалъ, бормоталъ, соображалъ, до того соображалъ, что когда насталъ назначенный день, гласный и сообразить не могъ, что хотѣлъ сказать, ужь очень значитъ долго соображалъ. Однако, когда лошадь была подана, онъ, мотнувъ головой, рѣшилъ: «ничего, я скажу такъ, «спромтомъ», по вдохновенію». Сѣлъ и поѣхалъ. Жилъ-то онъ отъ Думы довольно далеко и сильно-таки наподдавало гласному въ бока на мостовыхъ московскихъ, очень сильно, сильнѣе, чѣмъ даже его усердіе къ службѣ общественной. Однако ничего, гласный кряхтитъ, а ѣдетъ. Ѣхалъ, ѣхалъ и случился съ нимъ вдругъ пренепріятнѣйшій казусъ: толкнуло гдѣ-то гласнаго и онъ прикусилъ языкъ. Согласитесь, что подобная штука хотя для кого хочешь,—штука пренепріятная, а для гласнаго и вовсе не подходящая, потому гласный, такъ сказать, языкомъ обществу служитъ. Какъ бы тамъ ни было, но языкъ гласный прикусилъ и по этой причинѣ засѣдалъ въ Думѣ въ молчаніи. Послѣ онъ долго пенялъ. Въ кои-то, говоритъ, вѣки въ Думу собрался и тутъ тебѣ оказія этакая подвернулась, или вѣрнѣе языкъ подвернулся подъ оказію.

Эхъ, трудна, господа, общественная служба! а все-таки языкъ прикусить много труднѣе. Впрочемъ, какъ уже много разъ доказано, языкъ прикусить очень не трудно. Да что тамъ гласный,—со мною самимъ была оказія въ родѣ этой.

Спѣшилъ я въ Думу до задора,
Я право медлить не привыкъ,
Въ ухабѣ лопнула рессора,
Я прикусилъ себѣ языкъ.

Кой-какъ до Думы доскакали,
Едва вошелъ туда и въ мигъ,
Увидѣвъ, какъ пустынно въ залѣ,
Невольно высунулъ языкъ.

Когда же гласныхъ набралося,
Мой прояснился грустный ликъ,
Но только пренье началося,—
Прильнѣ къ гортани мой языкъ...

Конечно, вы, господа, видѣли и знаете магазинъ Аванцо на углу Петровки и Кузнецкаго моста, любовались нѣсколько разъ выставленными на его окнахъ эстампами, но вѣрно не знаете, кого болѣе всѣхъ радуютъ эти эстампы. Не знаете? Ну такъ я скажу вамъ: жуликовъ, вотъ кого они радуютъ, если эстампы выставляются мало-мальски интересные.

Впрочемъ, вѣдь жулики бываютъ разные.

Много здѣсь жуликовъ разныхъ,
Съ лоскомъ и благообразныхъ,
Много здѣсь жуликовъ есть,
Силы нѣтъ ихъ перечесть.

Много шикарныхъ есть бестій,
Что пропадутъ безъ извѣстій,
Выкравъ нутро сундука,
Благо владыка—рука.

Много воровъ идеальныхъ,
Что путемъ вольтовъ нахальныхъ
Такъ могутъ васъ обойти,
Что и концовъ не найти!

Много есть тушъ необъятныхъ,
Что безъ натяжекъ приватныхъ
Стукнутъ всѣхъ какъ кирпичемъ,
Лишь объявивъ: «нипочемъ!»

Много Венеръ есть извѣстныхъ,
Что послѣ ласкъ ихъ прелестныхъ
Ихъ оставляешь салонъ,
Голъ, какъ божокъ Купидонъ.

Много есть денди почтенныхъ,
Что при поклонахъ отмѣнныхъ
Льстивымъ пожатіемъ рукъ
Васъ обираютъ вокругъ.

Рѣчь моя совсѣмъ не объ этихъ жуликахъ. Это большіе корабли, имъ большое и плаванье. Я говорю о маленькихъ карманныхъ воришкахъ. Ужь очень имъ пріятно бываетъ, когда новые хорошенькіе эстампы выставятъ у Аванцо. Народъ, стало быть, толпится, ротозѣйничаетъ, а это-то самое и очень на руку мазурикамъ. Изъ ресторана Щербакова, находящагося напротивъ, очень любопытно наблюдать за всѣми подходцами и фортелями этихъ скромныхъ, не выдающихся дѣятелей. Платки, кошельки, часы, однимъ словомъ—все, что подвернется подъ руку, все это мгновенно исчезаетъ изъ кармановъ любителей картинокъ, попадаетъ въ руки любителей чужой собственности, передается отъ одного къ другому и пропадаетъ безслѣдно. Ужь куда, я думаю, много имъ работы и наживы бываетъ на дешевыхъ товарахъ! Еще бы! Вѣдь наши барыни на дешевыхъ товарахъ—это уже совсѣмъ не барыни, это что-то такое совсѣмъ не земное и даже не небесное, а такъ нѣчто среднее. Бойтесь попасться барынѣ на дорогѣ и остановить ее, когда она мчится на дешевые товары! Если вы ея другъ, вы будете ея врагомъ; если она влюблена въ васъ, она васъ возненавидитъ. Но избави васъ Провидѣніе наступить нечаянно на хвостъ бѣгущей на дешевые товары дамы. Боже! какимъ взглядомъ наградятъ васъ! О, это ужасный взглядъ, ужаснѣй этого взгляда дамы никогда бросать не умѣютъ. Если бы взглядъ этотъ имѣлъ убійственную силу—кончено вамъ нѣтъ спасенія и вы не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Да, время дешевыхъ товаровъ для нашихъ дамъ время самаго сильнаго нервнаго возбужденія. Это время абсолютнаго ихъ отчужденія отъ всего, время вражды ко всему и злобы на все, кромѣ дешевыхъ товаровъ.

Не важны тутъ для нашихъ дамъ
Ни свекра гнѣвъ, ни мужъ суровый:
По магазинамъ и рядамъ
Манитъ ихъ всѣхъ товаръ дешевый.

Заброшенъ дома въ дѣтской сынъ,
Ребенокъ, баловень бѣдовый,
Мамаша мчится въ магазинъ:
Ее манитъ товаръ дешевый.

Шиньонъ влачится, шляпка въ бокъ,
Трепещетъ шлейфъ какъ флагъ торговый,
Но дама мчится со всѣхъ ногъ:
Ее манитъ товаръ дешевый.

За лентъ клочекъ онѣ подчасъ
Дойдутъ до ссоры пребѣдовой,
И честь имъ, увѣряю васъ:—
Вѣдь ихъ манитъ товаръ дешевый!

Дамы наши сердиты вообще, но на дешевыхъ товарахъ онѣ сердиты въ особенности. Въ это время онѣ много, даже очень много сердитѣе, нежели тогда, когда ведутъ разговоръ о своихъ мужьяхъ. Въ самомъ дѣлѣ странный, но существующій фактъ, что дамы пріятельницы, говоря о своихъ мужьяхъ, непремѣнно не совсѣмъ съ хорошей стороны отнесутся о нихъ. Почему это такъ, я не знаю, но что это такъ, готовъ божиться. Смотрите, когда соберутся въ кружокъ мущины, о чемъ они говорятъ? О лошадяхъ, о винѣ, о попойкахъ, о картахъ, о дѣлахъ, о табакѣ, даже о погодѣ и почти никогда о женахъ. Какъ это объяснить? Можетъ быть, жены надоѣли мужьямъ до того, что о нихъ говорить не хочется; можетъ быть, что другое, я не знаю, но только разговоръ у мущинъ о женахъ завязывается весьма рѣдко. Что же касается до того, чтобы мущина обсуждалъ качества своей супруги, этого вы никогда не услышите, развѣ ужь жена какая нибудь вѣдьма съ Лысой горы.

Не то дамы. Смотрите, когда соберется ихъ нѣсколько, о чемъ онѣ говорятъ?

Поговоривъ о шляпкахъ, о новыхъ фасонахъ платьевъ, о томъ, какъ надоѣдаютъ дѣти, тутъ непремѣнно вставятъ такое ехидное желаніе, что «хоть бы разъ дать мужьямъ разрѣшиться хоть двойнями напримѣръ, а то что имъ дѣлается!...

Какъ объяснить это? Напоминаетъ ли разговоръ о мужьяхъ дамамъ ихъ больное мѣсто, или это что другое, нужно спросить нашихъ милыхъ дамъ.

Конечно, я сказалъ это не о всѣхъ дамахъ, но исключеній не ахти какъ много найдется. Барыни, чего добраго, обидятся на меня. Но:

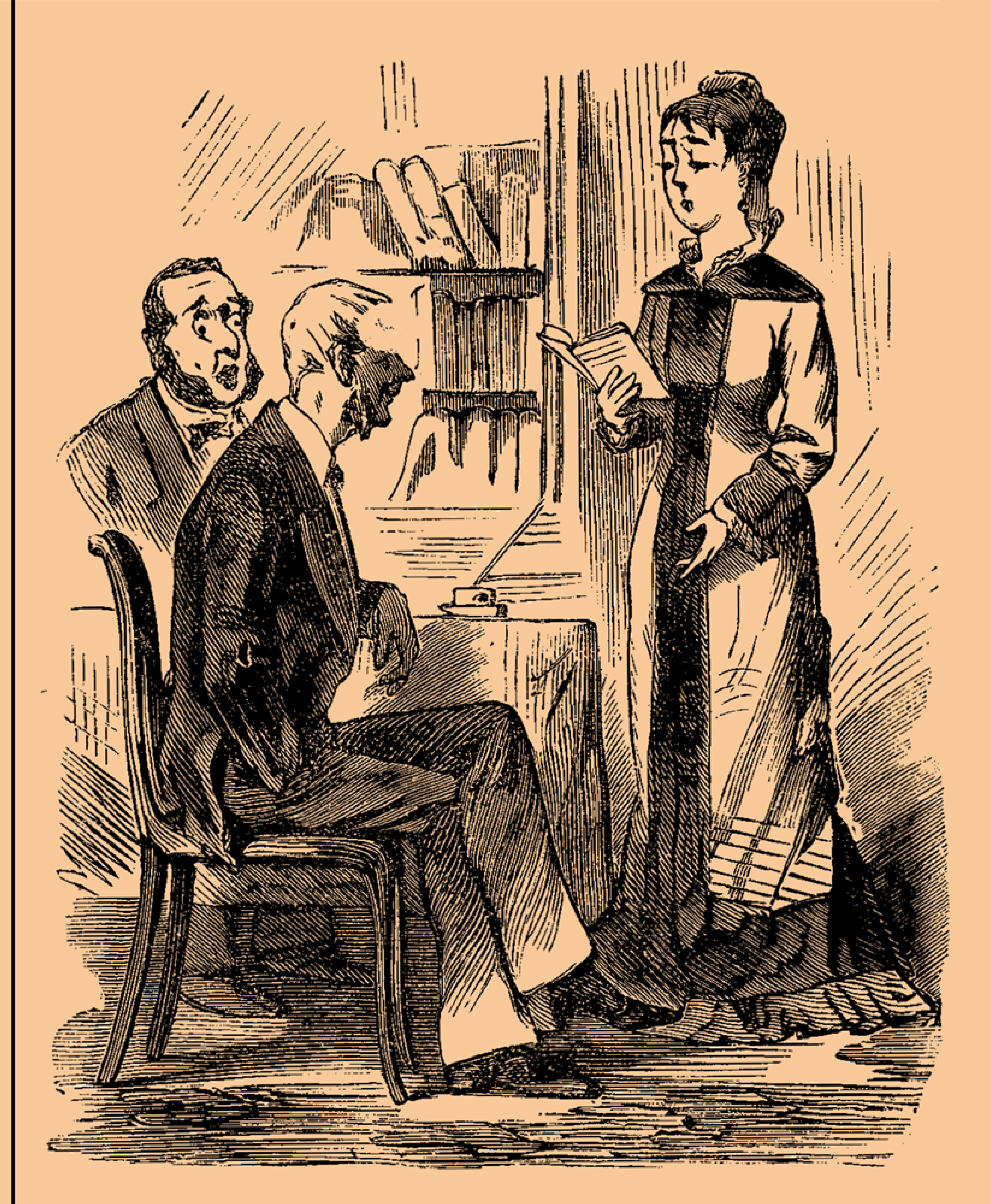
Прошу прощенія у дамъ,
Не то—совсѣмъ сживутъ со свѣту
Mesdames! простите, клятву дамъ
Не повторять на тему эту.



НА ДЕШЕВЫХЪ ТОВАРАХЪ.

Дама. Нѣтъ ли у васъ такой-же матеріи, но подороже?

Купецъ. Извольте, сударыня, мы для васъ эту самую матерію можемъ уступить подороже.



Учитель. Ну-съ, извольте что нибудь перевести съ французскаго.

Барышня. (читаетъ) Il faut aimer tout les hommes—должно любить всѣхъ мужчинъ.

Я думалъ: фактъ лишь передамъ
И къ слову выскажу примѣту,
Прошу прощенія, mesdames,
Клянуся, брошу тему эту.

А барышни? Впрочемъ я ихъ не затрогивалъ, на что мнѣ ихъ прощеніе и снисхожденіе, я у нихъ и просить его не стану. Такъ-то такъ, но наступила Красная Горка, многія барышни станутъ барынями, кто знаетъ, можетъ сочтутъ нужнымъ обидѣться. Чтобы умиротворить ихъ, я поговорю съ ними о конфектахъ, да и о чемъ же иномъ можно говорить съ ними, прелестными, неземными созданіями? Барышни! я знаю, вы любите конфекты, я тоже люблю ихъ, потому что люблю васъ, впрочемъ это вамъ все равно. Что вы скажете, барышни, понравилось ли бы вамъ, если бы вы получили бонбоньерку съ конфектами, на крышкѣ которой былъ бы помѣщенъ ребусъ, а отгадка на днѣ коробки подъ конфектами? Вѣдь право это было бы очень недурно, такъ какъ вмѣстѣ съ вашими ротиками работали бы и головки. Если кто нибудь изъ нашихъ бонбоньеровъ осуществитъ мою идею и вы получите подобную бонбоньерку, прошу васъ, вспомните обо мнѣ и скажите: «эта бонбоньерка—изобрѣтеніе мичмана Жевакина». Въ самомъ дѣлѣ, почему бы хоть г-ну Абрикосову не заняться этимъ дѣломъ? Клише ребусовъ, давно забытыхъ, можно пріобрѣсть въ редакціи «Иллюстраціи», да наконецъ можно изготовить и новыхъ.

—ковъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Послѣднимъ бенефисомъ нынѣшняго сезона драматической труппы Малаго театра будетъ бенефисъ помощника режиссера г-на Кондратьева въ воскресенье 30-го апрѣля. Бенефиціантъ ставитъ піесу А. Н. Островскаго «*Послѣднюю жертву*» съ измѣненіемъ въ исполнителяхъ главныхъ ролей; такъ роль покойнаго С. В. Шумскаго исполнитъ г. Бергъ, а вмѣсто г-жи Ѳедотовой будетъ играть г-жа Ермолова.

Неменьшимъ интересомъ для публики будетъ служить и даваемая въ тотъ же вечеръ оперетта «Птички Пѣвчія» съ извѣстной петербургскою артисткою Чернявскою-Кузнецовой въ роли Периколы. Г-жа Чернявская-Кузнецова случайно находится въ Москвѣ и вѣроятно для публики не безъинтересно будетъ посмотрѣть эту артистку, какъ одну изъ звѣздъ опереточнаго міра. Кромѣ бенефиса г-на Кондратьева она нигдѣ участія принимать не будетъ.

А. Д.



Эхъ вы, барыни спѣсивыя,
Открывайте сундуки!
За картиночки красивыя
Выдавайте пятаки.
Молодцы! спѣши къ раешнику,
Подивитеся райку,
Да за росказни по трешнику
Приготовьте старику.
Есть картины чудодѣйскія,
Не повѣсишь головы,—
Все диковины расейскія,
Шутки матушки Москвы:
Вотъ вамъ рядская коммисія
Разсужденія ведетъ,
Позабилась въ норы крысія
И сидитъ который годъ.
Дѣло кончить скоро хвалятся,
Закипѣла значитъ кровь—
Лишь въ Москвѣ ряды развалятся,
Будутъ выстроены вновь.
Ну, верчу, смотрите далѣе:
Вишь идетъ въ трактирѣ пиръ,
Это строитъ вакханаліи
Ловкій Юханцевъ кассиръ.
Разбахвалился со хмѣльнаго,
Не кичиться почему-жь
Изъ кредита поземельнаго
Ловко выкравшему кушъ?
Ну, это вотъ правленіе,
Что франтъ Юханцевъ поддѣлъ,
Предается сокрушенію,
Проклиная свой удѣлъ.
Вотъ картиночка не новая,
Не величка, а видка:
Вишь полиція торговая
Ищетъ тухлаго снятка.



Какъ иногда бываетъ опасно выглядывать изъ вагона на ходу поѣзда.

Не искать нельзя—оказія
По столицѣ говорятъ,
Что смердитъ до безобразія
Отъ снятка Охотный рядъ.
Ну, да пустъ ее старается,
Можетъ, Богъ дастъ и найдетъ.
Вотъ картинка поднимается:
Гласный въ Думѣ рѣчь ведетъ.
Потекла рѣчь лавой пламенной,
Кого хочешь поразитъ:
«Можетъ быть, мостъ Малый Каменный
Разрушеніемъ грозитъ».
Въ рѣчь товарища повникнувши,
Вонъ другой ему въ отвѣтъ
Говоритъ, главой поникнувши:
«Ну, а, можетъ быть, и нѣтъ».
Хочешь, сдѣлай одолженіе,
На себя тотъ трудъ бери.
Слыша два соображенія,
Чья тутъ правда, разбери!
Ну, да что намъ, мы не гласные;
Ты смотри, что впереди:
Мостовыхъ толчки опасные
Здѣсь показаны. Гляди,—
Посмотрѣть, такъ ясно станется,
Что здѣсь пропасть волчьихъ ямъ,
А поѣхать, такъ достанется
И всѣмъ членамъ, и шеямъ.
Ну, гулянье вотъ обильное,
Есть, ей-ей, за что хвалить,
Только что-то очень пыльное,
Не пришлось должно полить.
Ну, а это Артистическій
Клубъ, гдѣ денежкамъ не водъ,
Вишь пришелъ моментъ критическій,
Подвело ему животъ.
Ну, верчу, пути въ окрестности
Отъ Москвы вишь пролегли,
И, дивись, до дальней мѣстности
Запахъ свой пустить могли.

Повернемъ. Вотъ Богородское
На горѣ большой лежитъ,
Да планида знать уродская—
Гдѣ ни ступишь—всюду жидъ.
Вотъ и паркъ, мѣстечко злачное,
Все веселые сады,
Платитъ публика тамъ дачная
По рублю ведро воды.
Это, видишь ли, Сокольники,
Расширяются, что годъ,
Но все воры своевольники
Обираютъ тамъ народъ.
Ну, смотрѣть тебѣ веселіе,
Да охоты нѣтъ казать;
Будетъ. Дома отъ бездѣлія
Есть и такъ что разсказать.
Здѣсь повадочка таковская,
Что, ей-ей не безъ того,
Жизнь столичная московская
Огорошитъ хоть кого.
Ну, домой раешникъ просится,
Закружилась голова;
Полюбуйтесь-ка, въ носъ бросится
Наша матушка Москва!

В.

ОЧЕРКИ И КАРТИНКИ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ПАЛЕСТИНЪ

Иногда барынямъ не хочется кофе, какъ показалъ нѣкоторый краткій діалогъ.—Турниръ въ г. Сумахъ.—„Лица мужскаго пола" въ Ригѣ, въ качествѣ жрецовъ Фрунды.—Обученіе нравственности въ полиціи.—Саратовскіе астрономы.—Патріотизмъ и шампанское.—Новыя газеты.

Въ магазинъ Санина, въ Саратовѣ, приходитъ какъ-то нѣкая барыня. Закупивъ то и сё для ублаженія «животишекъ,» употребляя терминологію Петра Боборыкина, барыня приступила къ расплатѣ за покупки.

— Не угодно-ли вамъ, сударыня, кофе? обратился Санинъ къ покупательницѣ, видя, что въ числѣ ея покупокъ нѣтъ благоухающихъ зеренъ Мокка.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я только что сейчасъ напилась!...

Такой отвѣтъ послѣдовалъ со стороны сообразительной женщины, вѣроятно, для того, чтобы я, лѣтописецъ курьезовъ, могъ занести его въ свои скрижали, ибо другой, болѣе основательной, причины не видно ни въ смыслѣ вопроса, ни въ чемъ другомъ, имѣющемъ хоть какое нибудь отношеніе къ магазину Санина съ его «галантерейными и колоніальными товарами.»

Я сообщаю эту «подпись къ каррикатурѣ» единственно для того, чтобы поставить съ ней рядомъ другую глупость, только не сказанную, а сдѣланную—и даже: совершонную, ибо тутъ необходимъ высокій слогъ.

По словамъ корреспондента «Недѣли,» въ городѣ Сумахъ (Харьковской губ.) недавно происходилъ рыцарскій турниръ... между воспитанниками классической гимназіи и питомцами реальнаго училища!...

Дѣло въ Сумахъ заключается въ слѣдующемъ. Гимназистъ и реалистъ воспылали страстью къ одной и той же дамѣ—гимназисткѣ, ужь не знаю, какого класса. Платила-ли кому нибудь изъ нихъ взаимностью прекрасная дама—это тоже достовѣрно неизвѣстно; извѣстно только, что рыцари школяры рѣшились сразиться и рѣшить такимъ образомъ теорему: если два или нѣсколько глупцовъ задумаютъ сдѣлать нѣчто несообразное, то они могутъ сдѣлать несообразность; битва должна была также разрѣшить вопросъ: кому судьбой назначена гимназистка?

На берегу рѣки Псла сошлись противники, предводительствуя каждый толпой рыцарей въ синихъ и зеленыхъ мундирахъ.

— Рыцарь «зеленаго мундира,» вызываю васъ на бой!

— Рыцарь «мундира синяго!» Я поднимаю вашу перчатку!...

И грянулъ бой...

Но дальше шутить уже не приходится. Возвратъ средневѣковыхъ обычаевъ сшутилъ плохую шутку, можетъ быть, оттого, что сумскіе рыцари пустили въ дѣло револьверы, которые не входили въ програму стороннихъ побоищъ. Въ результатѣ битвы на берегахъ Псла—нѣсколько человѣкъ раненыхъ и одинъ серьозно—пулей въ бокъ!... Это ужь черезъ-чуръ; для доказательства теоремы достаточно было бы и фонарей подъ глазами, и разбитыхъ носовъ...

Не въ примѣръ сумскимъ школьникамъ, добродѣтельные рижане болѣе склонны къ мирнымъ подвигамъ, безъ пролитія крови, но съ пролитіемъ чернилъ.

Тощенькій органъ рижскихъ булочниковъ, газета «Neue Zeitung für Stadt und Land» выдумала «Общество нравственности, членами котораго должны быть *лишь высокопоставленныя лица мужскаго пола*. Подъ высокопоставленными подразумѣваются булочники съ особенно толстыми карманами, нѣмецкіе зажирѣвшіе журналисты и вѣроятно, сотрудники упомянутой газеты... члены вновь изобрѣтеннаго общества должны будутъ *постоянно* посѣщать, по словамъ газеты всѣ мѣста, «гдѣ гнѣздится безнравственность (соблазнъ для лицъ мужскаго пола!) и улавливатъ тамъ на мѣстѣ преступленія своихъ развратныхъ согражданъ, увѣщевать ихъ, побуждать къ исправленію, а въ случаѣ безуспѣшности этихъ мѣръ... въ полицію!... Вы, читатель, конечно, понимаете, какъ поднимется нравственность въ Ригѣ, когда тамошніе высокопоставленные булочники начнутъ сажать въ кутузку своихъ нераскаявшихся согражданъ? О! Тутъ наступитъ царство добродѣтели, ибо всю Ригу мужскаго пола новое общество упрячетъ въ темницы...

Я рисую себѣ такую картину.

Членъ рижскаго общества, высокопоставленный булочникъ Шмидтъ, посѣщая постоянно (по уставу общества) «безнравственныя мѣста,» является на квартиру «этихъ дамъ.» Тутъ онъ застаетъ колбасника Шульца.

— Шульцъ, мой милый! раскайся и уходи!

— Нѣтъ, Шмидтъ, уходи сначала ты!

— Но если ты не уйдешь, я тебя, знаешь, въ полицію буду отправлять! ..

— Oh, Donnerwetter! Я тебѣ стану наколотить морда!...

— Какъ?...

Слѣдуетъ потасовка между членомъ и грѣшникомъ. Шмидтъ побѣждаетъ и Шульцъ отправляется въ кутузку. Шмидтъ остается у «этихъ дамъ», согласно уставу, и возвращается домой довольно поздно.

— Гдѣ ты пропадалъ? спрашиваетъ его толстая фрау Шмидтъ.

— Я, liebes Frauchen, былъ въ «безнравственныхъ мѣстахъ...»

— Ахъ, ты...

Напрасно старается Шмидтъ объяснить цѣль и намѣренія общества - все тщетно, и его, порѣдѣвшіе послѣ битвы съ Шульцомъ волосы окончательно рѣдѣютъ подъ рукою супруги.

Впрочемъ, нельзя отказать Ригѣ и въ извѣстной долѣ благоразумія: общество допускаетъ только мущинъ въ свои члены.

Саратовъ еще болѣе изобрѣтателенъ, чѣмъ Рига. Рига ограничивается мелочами — Саратовъ идетъ дальше и своимъ «пытливымъ умомъ» открываетъ болѣе солидныя истины, чѣмъ насажденіе добродѣтели высокопоставленными булочниками. Тая ехидную цѣль обезпокоить кости Коперника и Галилея, «Саратовскій Дневникъ» открылъ, что земля неподвижна!... Я вижу, что волосы ваши стали дыбомъ, читатель, но—что дѣлать? передъ наукой Саратовской газеты мы безсильны...

Признавая истину «Дневника» весьма важной, позволю себѣ разсказать, при какихъ обстоятельствахъ она была обнаружена и распубликована.

Въ Саратовѣ есть книжный магазинъ подъ фирмою «Приволжская книжная торговля.» Вотъ въ эту-то торговлю и зашелъ какъ-то недавно сотрудникъ «Дневника» г. Т. Разрывая тамъ книжный хламъ, г. Т. нашелъ брошюрку Шёпфера «Противорѣчія въ астрономіи,» «очень небольшую и стоющую недорого.» Г. Т. любитъ больше наблюдать небо и считать звѣзды, поэтому онъ пріобрѣлъ «Противорѣчія,» прочелъ ихъ, благо *невелики*, увѣровалъ и началъ убѣждать читателей своей газеты въ неподвижности земли. При этомъ онъ немного слукавилъ, сообщивъ, что книжонка шарлотана-нѣмца переведена на русскій языкъ только въ концѣ прошлаго года *). Со словъ Шёпфера, г. Т. распинается за его теорію, приводя доказательства неподвижности въ родѣ слѣдующихъ:

«Хотя я мало понимаю въ этомъ дѣлѣ, сказалъ баварскій король, — однако, не могу вамъ не сознаться, что мнѣ всегда казалось смѣшнымъ, что намъ приходится кружиться въ пространствѣ, то внизъ, то вверхъ головою.» Принимали въ немъ (Шёпферѣ) участіе и дамы (!!), укрывшіяся въ своихъ виллахъ отъ свѣтской скуки... и т. д.

Участіе «дамъ, укрывшихся въ своихъ виллахъ,» конечно, весьма важно, и это дастъ право намъ надѣяться, что земля, дѣйствительно, стои́тъ, какъ того хочется гг. Шёпферу и Т. Недостаетъ только, чтобы читатели Дневника» убѣдились въ этомъ... Старая пѣсня, осмѣивая многолѣтніе труды Коперника, говоритъ, что ему не нужно бы столько работать для доказательства круговращенія земли:

... Зачѣмъ онъ не напился,—
Тогда бы не было сомнѣнья!...

Для того же, чтобы убѣдиться въ неподвижности земли, не нужно и напиваться,—стоитъ только пойти въ «Приволжскую книжную торговлю» и купить брошюрку Шёпфера — «очень небольшую и стоющую недорого» — и дѣло въ шляпѣ!... Впрочемъ, чтобы остаться невѣждой, слѣдуетъ даже совсѣмъ ничего не читать и книгъ не покупать.

И такъ, прочь Коперника! Да здравствуетъ г. Т. и Шёпферъ!!

Я подозрѣваю, что число сторонниковъ Коперника уменьшилось у насъ потому, что пьянство въ Россіи сокращается. Дѣло въ томъ, что въ 1877 году православные россіяне выпили шампанскаго почти въ 10 разъ меньше, чѣмъ въ 1876 году. Вотъ цифры, за достовѣрность которыхъ ручается «Русскій Міръ»:

Въ 1876 г. выпито въ Россіи шампан.	1,570,914 бут.
Въ 1877 г. — — —	189,273 »

Или это не доказательство нашего патріотизма, отринувшаго шампанское и бросившагося въ объятія родной «Свѣтланы»?...

Заканчивая настоящую бесѣду, я долженъ сообщить, что полкъ саратовскихъ астрономовъ скоро увеличится въ числѣ: съ іюля начнетъ выходить газета «Биржа» и

*) Она была переведена пораньше и издана подъ названіемъ „Земля неподвижна;“ тогда же ее по достоинству оцѣнила и пресса, увидавшая въ Шёпферѣ шарлатана, но не человѣка науки, ибо онъ обнаруживаетъ большое невѣжество, хотя и не столь большое, какъ въ г. Т.

возобновится «Волга», о прекращеніи которой я сообщалъ въ своемъ саратовскомъ фельетонѣ прошлаго года. О «Биржѣ» и «Волгѣ» рѣчь, конечно, впереди.

Пустозвонъ.

КНИГИ, БРОШЮРЫ, КОМЕДІИ,

рекомендуемыя г-мъ Ха! ха! ха!

(Окончаніе).

26). «Балетный мірокъ» — шамкающимъ, слюняво-беззубымъ старичкамъ-балетоманамъ.
27). «Исторія плута Ваньки Каина» — кассирамъ, какъ руководство при обираніи кассъ.
28). «Прошлыя дѣлишки» — нѣкоторымъ лицамъ, имѣющимъ «благопріобрѣтенный» капиталецъ.
29). «Въ своемъ краю» (соч. Леонтьева) — давно забытому быстроногому Ландау.
30). «Пустомеля» (сатир. жур. 1770 года) — нѣкоторымъ журналамъ и газетамъ, а также и гласнымъ нашей Думы, ежедневно переливающимъ изъ пустаго въ порожнее.
31). «Страшное мѣсто» (соч. М. С. Владимірова) — московскимъ городскимъ рядамъ, ежедневно угрожающимъ обрушиться и погребсти подъ своими развалинами множество жертвъ.
32). «Жди и надѣйся» (соч. Лео Андре) — лицамъ, напоминающимъ Думѣ о забытыхъ ею проэктахъ: поливки улицъ, асфальтированія Москвы, перестройки городскихъ рядовъ и проч., и проч.
33). Письмовникъ Курганова — журналу «Стрекоза» для перепечатыванія оттуда анекдотовъ.

Господинъ Ха! ха! ха!

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволено цензурой Москва, 26-го Апрѣля 1878 года.

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз. ч. 1 кв. № 82,